

Генезис морали и исторические типы нравственной регуляции¹

The Genesis of Morality and the Historical Types of Moral Regulation

Получено: 19.04.2026 / Одобрено: 29.04.2026 / Опубликовано: 25.06.2026

Омарова Л.Б.

Канд. филос. наук, доцент, младший научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, доцент Кафедры гуманитарных наук Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, e-mail: lomarova@fa.ru

Omarova L.B.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Junior Research Fellow at the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Associate Professor of the Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, e-mail: lomarova@fa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются исторические условия происхождения морали и логика эволюции ранних форм нравственной регуляции. Актуальность темы определяется сохраняющимся интересом к проблеме происхождения морали, к соотношению обычая, права и нравственности, а также к вопросу о границах морального прогресса. Цель исследования — реконструировать исторические условия возникновения морали, показать переход от талиона к «золотому правилу» и охарактеризовать исторические типы нравственной регуляции. Методологическую основу работы составляют историко-философский, сравнительно-исторический и социально-этический подходы. В специальном дискуссионном разделе анализируются конкурирующие интерпретации морального прогресса, а также напряжение между нормативным универсализмом и социально-исторической обусловленностью морали. Делается вывод о том, что мораль формируется как механизм сохранения человеческой общности и исторически усложняется по мере развития форм социальной жизни.

Ключевые слова: мораль, происхождение морали, талион, золотое правило, методология исследования, моральный прогресс, исторические типы морали, социальная регуляция.

Abstract. The article examines the historical conditions of the origin of morality and the logic of the evolution of early forms of moral regulation. The relevance of the topic is determined by the continuing scholarly interest in the origin of morality, in the relationship between custom, law, and ethics, and in the limits of moral progress. The purpose of the study is to reconstruct the historical conditions of the emergence of morality, to trace the transition from talion to the Golden Rule, and to characterize the historical types of moral regulation. The methodological basis of the article combines historical-philosophical, comparative-historical, and social-ethical approaches. A separate discussion section analyzes competing interpretations of moral progress and the tension between normative universalism and the socio-historical conditioning of morality. The article concludes that morality emerges as a mechanism for preserving human community and becomes more complex as forms of social life develop.

Keywords: morality, origin of morality, talion, Golden Rule, research methodology, moral progress, historical types of morality, social regulation.

¹ Статья подготовлена в рамках ФНИР Финансового университета при Правительстве РФ ГЗ-ФИ-31-26 «Формирование идейно-ценностных смыслов российской молодежи в условиях информационной войны».

Введение

Проблема происхождения морали относится к числу базовых проблем этики, философской антропологии и социальной философии. Она затрагивает вопрос о том, при каких условиях возникает нравственная регуляция и почему человеческое сообщество оказывается заинтересованным в выработке норм, ограничивающих насилие, произвол и деструктивные формы поведения. История морали показывает, что ее становление нельзя понимать как одномоментный акт: речь идет о длительном процессе, связанном с развитием человеческой общности, самосознания и культуры.

Цель статьи — реконструировать исторические условия происхождения морали, показать логику перехода от талиона к «золотому правилу» и выявить

специфику исторических типов нравственной регуляции. Для достижения этой цели используются сравнительно-исторический, типологический и историко-философский методы. Научная новизна исследования состоит в том, что происхождение морали рассматривается не как линейный процесс «смягчения нравов», а как сложная эволюция форм социальной регуляции, в которой ограничение насилия, универсализация взаимности и изменение отношения «личность — общество» выступают взаимосвязанными факторами.

Методология исследования

Методологическая основа исследования носит комплексный характер. В работе используются историко-философский и сравнительно-исторический

подходы, позволяющие сопоставить различные культурные формы осмысления нравственной регуляции и выявить преемственность между архаическими и более поздними моральными моделями. Дополнительно применяется социально-этический подход, ориентированный на анализ связи морали с типом общественных отношений и механизмами поддержания социальной целостности.

В качестве исследовательских процедур используются реконструкция этических концептов, интерпретация нормативных формул и типологический анализ исторических форм морали. Такой подход дает возможность рассматривать талион и «золотое правило» не изолированно, а в контексте перехода от внешней, коллективно санкционированной регуляции к более внутренним и универсализируемым основаниям нравственного действия. Дискуссионная часть статьи строится на сопоставлении оптимистических и пессимистических моделей морального развития, а также на критическом анализе идеи линейного прогресса в сфере нравственности.

2. Происхождение морали и объективная необходимость ее возникновения

В этической литературе представлены по меньшей мере две интерпретации времени возникновения морали. Согласно первой, зачатки моральности появляются уже на стадии первобытного стада. Основанием для такой гипотезы нередко служили археологические находки, в частности ранние формы захоронений, которые интерпретировались как свидетельство заботы о ближнем и уважения к умершему. Однако подобная аргументация не является бесспорной: позднейшие интерпретации показали, что практика захоронения могла быть связана прежде всего с соображениями безопасности, санитарной предосторожности и коллективного самосохранения.

Вторая, более распространенная точка зрения связывает возникновение морали с эпохой верхнего палеолита, то есть с периодом становления человека современного типа и развития самосознания. Именно на этом этапе формируются устойчивые формы коллективной деятельности, символические практики и нормы, обеспечивающие воспроизводство общности. В таком контексте мораль выступает не как случайное дополнение к социальной жизни, а как ответ на объективную необходимость сохранения первых исторических сообществ. В таком контексте мораль выступает как ответ на объективную необходимость сохранения первых исторических сообществ [1; 4; 6].

Следовательно, истоки морали следует искать в потребности ограничить разрушительные импульсы и сделать совместную жизнь предсказуемой. Мораль возникла как механизм согласования интересов, как средство перевода непосредственной силы и мести в относительно упорядоченные формы взаимодействия. Ее ранние формы еще не были автономной сферой духовной жизни, однако уже выполняли функцию социальной стабилизации.

3. От талиона к «золотому правилу»: эволюция принципов нравственной регуляции

В истории нравственной культуры талион и «золотое правило» обычно рассматриваются как две последовательно сменяющие друг друга ступени регуляции поведения. Талион (*lex talionis*) представляет собой форму социальной нормы, характерную для ранних этапов развития человеческих сообществ. Его суть выражена в требовании равного воздаяния: наказание должно соответствовать причиненному ущербу. В этом смысле талион ограничивал кровную месть, препятствовал бесконтрольной эскалации насилия и задавал меру возмездия, препятствовал бесконтрольной эскалации насилия и задавал меру возмездия [2].

Историческая роль талиона двойственна. С одной стороны, он легитимирует насилие как форму ответа на вред; с другой — ограничивает его, выводя из сферы индивидуального произвола. Поэтому талион можно рассматривать как ранний механизм уравнивающей справедливости и как исторически первую форму коллективной ответственности. Он основан на гетерономии воли: действие субъекта определяется уже совершенным поступком другого, а свобода выбора сводится к требованию не превышать нанесенный вред.

Однако талион не мог стать всеобъемлющим принципом человеческого сосуществования. Отношения между людьми включали не только вражду, но и обмен, взаимные услуги, благодарность, признание и сотрудничество. Поэтому внутри архаической нормативности постепенно складываются иные формы регуляции, основанные не на возмездии, а на взаимности. Именно в этом контексте возникает «золотое правило» нравственности.

«Золотое правило» исторически оформляется в различных культурных традициях I тысячелетия до н.э., хотя само понятие закрепляется значительно позднее. Его ранние формулировки обнаруживаются в индийской традиции, в китайской мысли, в античной литературе, а затем в библейских и евангельских текстах. Общий смысл правила состоит в

переносе отношения к себе на отношение к другому: человек должен соотносить собственный поступок с тем, как он сам хотел бы быть воспринят и к чему был бы готов по отношению к себе [3].

В отличие от талиона, «золотое правило» не требует симметричного воздаяния за уже совершенный поступок, а задает мысленную форму нравственного действия. Оно предполагает внутреннюю работу сознания, способность к самоограничению и универсализации собственного мотива. Если талион разделяет мир на «своих» и «чужих», то «золотое правило» стремится преодолеть это разделение, утверждая признание другого как равнозначимого субъекта. В этом смысле оно выступает конструктивным отрицанием талиона и знаменует переход от обычной к собственно морали.

В более поздней этической традиции «золотое правило» получает разнообразные интерпретации. Христианская мысль усиливает в нем мотив милосердия и любви к ближнему. Августин рассматривает его как выражение естественного нравственного закона. И. Кант, напротив, не признает «золотое правило» универсальным основанием долга, поскольку оно, по его мнению, зависит от эмпирических желаний субъекта. Тем не менее сопоставление «золотого правила» с категорическим императивом показывает, что оба принципа выражают движение морали к всеобщности, самозаконотворчеству и внутренней автономии воли. В современной истории этики эта линия подробно рассматривается в работах Р.Г. Апресяна [3; 5].

4. Исторические типы морали

Анализ исторических типов морали целесообразно строить через отношение «личность — общество», поскольку именно характер этой связи определяет формы нормативности, допустимые модели поведения и преобладающие ценности. В широком смысле можно выделить три основные стадии: мораль традиционного общества, рациональную мораль индустриальной эпохи и мораль постиндустриального общества. Такая типология позволяет увидеть не просто смену норм, а изменение самих оснований нравственной регуляции.

Мораль традиционного общества основана на обычае, религиозной санкции и жесткой корпоративно-сословной иерархии. Здесь мораль не отделена от права, религии, ритуала и уклада повседневной жизни. Ее нормативность носит строгий и предписывающий характер, а принадлежность человека к определенной группе заранее задает круг обязанностей, добродетелей и допустимых моделей

поведения. Для такого общества характерны патриархальность, приоритет коллективного над индивидуальным и зависимость статуса личности от происхождения.

Показательными в этом отношении являются древние кодексы и религиозные предписания, в которых моральные требования одновременно закрепляют общественный порядок. В индийской традиции такую роль играют Законы Ману, где основным понятием выступает дхарма как универсальный порядок, соединяющий религиозное, нравственное и социальное измерения. В ветхозаветной традиции мораль также тесно связана с задачами сохранения общины, сакрализацией закона и укреплением коллективной идентичности. В христианстве позднее усиливается мотив любви, милосердия и прощения, а нравственная жизнь интерпретируется как внутреннее преображение личности.

Особое место в традиционном обществе занимает античная мораль. Для полисной культуры высшим благом часто признается благо государства, а добродетель мыслится как способность гражданина достойно исполнять свою общественную роль. В античности формируется идеал свободного человека, обладающего имуществом, защищающего закон и участвующего в общественной жизни. Позднее, в эпоху христианизации поздней античности и Средневековья, на первый план выходит иной нравственный идеал — идеал «раба Божьего», ориентированного на духовное совершенствование, аскезу и спасение.

Средневековая мораль наследует религиозный характер традиционного общества, но при этом усложняется за счет сословных кодексов чести. Такова, например, рыцарская мораль, в которой соединяются бескорыстие, служение, защита слабых, воинская доблесть и религиозная санкция насилия. Постепенно этот идеал смягчается и переходит в куртуазную модель поведения, где возрастает значение благородства, утонченности и внешней формы нравственной репрезентации. В целом мораль традиционного общества остается моралью неравенства: ее системообразующим принципом выступает сословная честь, а универсальный человек как носитель равного достоинства еще не становится ее центром.

Индустриальное общество формирует иной тип нравственной регуляции. Здесь отношения между личностью и обществом становятся не непосредственными, а опосредованными экономическими механизмами. Человек больше не принадлежит другому как собственность, однако оказывается

включенным в систему товарно-денежных связей и конкурентной зависимости. Возникает рациональная мораль, ориентированная на дисциплину, ответственность, расчет, соблюдение правил и договорных обязательств.

Нравственный мир индустриальной эпохи противоречив. С одной стороны, он провозглашает ценности свободы, равенства и братства; с другой — воспроизводит глубокое социальное неравенство и зависимость. В этих условиях складываются, условно говоря, «нормы-цели» и «нормы-рамки». Первые фиксируют значимость успеха, достатка, социального продвижения и личной инициативы; вторые ограничивают разрушительные последствия конкуренции и поддерживают минимум доверия, без которого невозможны экономические отношения. Поэтому такие качества, как долг, надежность, ответственность и способность к честной конкуренции, приобретают моральный смысл.

Постиндустриальное общество усиливает внутренние противоречия индустриальной модели. Рост индивидуализации, неопределенности и социальной мобильности сочетается с кризисом устойчивых коллективных идентичностей. С одной стороны, возрастает значение автономии личности, креативности, профессиональной самореализации и способности к саморегуляции без внешнего принуждения. С другой стороны, усиливаются цинизм, фрагментация жизненного опыта, чувство одиночества, дефицит доверия и моральная нестабильность. Эти процессы подробно описаны в работах З. Баумана, Д. Белла, Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы и Ч. Хэнди [7–11].

Именно поэтому в постиндустриальном обществе возрастает роль нравственной регуляции не только на уровне межличностных отношений, но и в деятельности организаций, профессиональных сообществ и корпораций. Исполнительность и пунктуальность, столь значимые для индустриальной эпохи, уже недостаточны. Более важными становятся ответственность за смысл и качество собственной деятельности, профессионализм, внутренняя мотивация, способность к сотрудничеству и ориентация на нематериальные основания человеческого существования. В этом контексте нравственная проблематика вновь оказывается связанной не только с вопросом «как действовать», но и с вопросом «ради чего жить». Тем самым нравственная проблематика связывается не только с внешней регуляцией поведения, но и с вопросом о смысле, доверии и профессиональной ответственности [8–11].

5. Дискуссионные аспекты проблемы морально-нравственного прогресса

Проблема морального прогресса остается предметом принципиальной дискуссии в этике и социальной философии. Спор ведется не только о том, развивается ли мораль в историческом времени, но и о критериях такого развития: следует ли связывать его с расширением свободы, с ростом рациональности, с укреплением ненасилия, с универсализацией прав человека либо, напротив, с сохранением устойчивых форм солидарности и долга. Тем самым обсуждение прогресса морали неизбежно затрагивает вопрос о соотношении нормативного идеала и реальной социальной практики.

Вопрос о направленности развития морали остается одним из наиболее дискуссионных в этике. История человечества не дает оснований для однозначного ответа на вопрос, становится ли нравственная жизнь людей более совершенной. Поэтому в этической мысли сосуществуют как оптимистические, так и пессимистические интерпретации морального развития.

В дискуссионном плане особенно значимым остается вопрос о том, можно ли рассматривать расширение морального словаря современности как доказательство реального нравственного прогресса. С одной стороны, современное общество вырабатывает более универсальные нормы признания достоинства личности, доверия, взаимности и профессиональной ответственности; с другой — институционализация этих норм не устраняет войн, социального неравенства, отчуждения и коммерциализации человеческих отношений. Поэтому более продуктивным представляется не тезис о гарантированном прогрессе морали, а идея исторически неоднородного нравственного развития, в котором рост моральной рефлексии сочетается с воспроизводством новых форм насилия и несправедливости.

Морально-нравственный оптимизм исходит из веры в возможность прогресса, в расширение сферы свободы, справедливости, милосердия и признания человеческого достоинства. Его сильная сторона заключается в мобилизации человеческой активности, в способности связывать нравственные усилия с представлением о лучшем будущем. Однако гипертрофированный оптимизм способен перерасти в утопизм и ослабить чувство ответственности, если прогресс начинает мыслиться как нечто автоматическое и неизбежное.

Морально-нравственный пессимизм, напротив, подчеркивает кризисность исторического опыта,

склонность человека к насилию, эгоизму и разрушению. Его достоинство состоит в скептической проверке слишком легких иллюзий и в готовности подвергать сомнению идеологемы «непрерывного улучшения». Но крайний пессимизм ведет к пассивности, цинизму и девальвации самой идеи нравственного усилия.

История модерности показала ограниченность линейного понимания прогресса. Уже в Новое время развитие науки и техники воспринималось как залог общего совершенствования человечества. Однако XX в. продемонстрировал, что технический рост сам по себе не гарантирует морального возвышения. Войны, тоталитарные практики, массовое насилие и коммерциализация человеческих страданий обнаружили глубокий разрыв между научно-техническим и нравственным развитием. Кризис автоматической идеи прогресса и усиление моральной неопределенности особенно заметны в анализе постиндустриальных трансформаций [7–10].

Тем не менее было бы неверно отрицать всякую историческую динамику морали. В долгосрочной перспективе можно проследить расширение представлений о ценности человеческой жизни, признании прав личности, недопустимости жестокости и значимости ненасилия. Эти идеи не отменяют реальности войн и несправедливости, но свидетельствуют о том, что нравственное сознание человечества действительно меняется. Следовательно, корректнее говорить не о гарантированном прогрессе морали, а о противоречивом и незавершенном процессе нравственного развития, в котором рост универсальных принципов сосуществует с новыми формами отчуждения и насилия.

Заключение

История морали свидетельствует о том, что нравственная регуляция возникает как ответ на потребность в сохранении человеческой общности и ограничении разрушительных форм поведения. На ранних этапах такую функцию выполняет талион, который впервые устанавливает меру воздаяния и тем самым сдерживает безграничную месть. Однако по мере усложнения социальных связей талион уступает место более универсальным формам нравственности, прежде всего «золотому правилу», предполагающему внутреннюю рефлексивность, признание другого и автономию воли.

Дальнейшее развитие морали связано с исторической эволюцией общества. В традиционном обществе мораль носит корпоративно-сословный и религиозный характер; в индустриальную эпоху она рационализируется и включается в систему экономических и правовых отношений; в постиндустриальном обществе на первый план выходят проблемы индивидуализации, доверия, профессиональной ответственности и поиска смысловых оснований человеческой деятельности. Следовательно, мораль нельзя понимать как неизменный набор предписаний: она исторична, внутренне противоречива и тесно связана с формами общественной жизни.

Проблема морального прогресса остается открытой. История не подтверждает ни наивного оптимизма, ни абсолютного пессимизма. Скорее, она показывает, что развитие нравственности представляет собой сложный и конфликтный процесс, в котором гуманизация человеческих отношений постоянно сталкивается с новыми формами насилия, отчуждения и неравенства. Именно поэтому исследование происхождения и эволюции морали сохраняет не только теоретическое, но и практическое значение.

Литература

1. *Апресян Р.Г.* Идея морали и базовые нормативно-этические программы [Текст] / Р.Г. Апресян. — М.: Институт философии РАН, 1995. — 353 с.
2. *Апресян Р.Г.* Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов [Текст] / Р.Г. Апресян // Вопросы философии. — 2001. — № 3. — С. 72–84.
3. *Апресян Р.Г.* О появлении понятия «золотое правило» [Текст] / Р.Г. Апресян // Этическая мысль. — 2008. — № 8. — С. 194–212.
4. *Апресян Р.Г.* Нравоперемена Ахилла. Истоки морали в архаическом обществе (на материале гомеровского эпоса) [Текст] / Р.Г. Апресян. — М.: Альфа-М, 2013. — 224 с.
5. *Апресян Р.Г.* Этика [Текст]: учебник / Р.Г. Апресян. — М.: КНОРУС, 2017. — 356 с.
6. *Гусейнов А.А.* Этика [Текст]: учебник / А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян. М.: Гардарики, 2000. — 472 с.
7. *Бауман З.* Индивидуализированное общество [Текст] / З. Бауман. — М.: Логос, 2005. — 390 с.
8. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования [Текст] / Д. Белл; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999. CLXX, 783, [3] с.
9. *Тоффлер Э.* Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. — М.: АСТ, 2009. — 795 с.
10. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию [Текст] / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ, 2004. — 730 с.
11. *Хэнди Ч.* Алчущий дух. За гранью капитализма: поиск цели в современном мире [Текст] / Ч. Хэнди // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999. — С. 166–184.

References

1. Apresyan R.G. Ideya morali i bazovye normativno-eticheskie programmy. M.: Institut filosofii RAN, 1995. 353 s.
2. Apresyan R.G. Talion i zolotoe pravilo: kriticheskii analiz sopryazhennykh kontekstov // Voprosy filosofii. 2001. № 3. S. 72–84.
3. Apresyan R.G. O poyavlenii ponyatiya «zolotoe pravilo» // Eticheskaya mysl'. 2008. № 8. S. 194–212.
4. Apresyan R.G. Nrvoperemena Akhilla. Istoki morali v arkhaiskom obshchestve (na materiale gomerovskogo eposa). M.: Al'fa-M, 2013. 224 s.
5. Apresyan R.G. Etika: uchebnik. M.: KNORUS, 2017. 356 s.
6. Guseinov A.A., Apresyan R.G. Etika: uchebnik. M.: Gardariki, 2000. 472 s.
7. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. M.: Logos, 2005. 390 s.
8. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya / per. s angl. pod red. V. L. Inozemtseva. M.: Academia, 1999. CLXX, 783, [3] s.
9. Toffler E. Tret'ya volna. M.: AST, 2009. 795 s.
10. Fukuyama F. Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu. M.: AST, 2004. 730 s.
11. Handy Ch. Alchushchii dukh. Za gran'yu kapitalizma: poisk tseli v sovremennom mire // Novaya postindustrial'naya volna na Zapade: antologiya / pod red. V.L. Inozemtseva. M.: Academia, 1999. S. 166–184.